

СЕМЬ СИГАРЕТ

роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Букетов

Семь сигарет

<https://litres.ru/73992828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вам кажется, что это роман про эмиграцию — нет.

Хотя эмиграция там есть.

Если кажется, что это фантастика — тоже нет.

Хотя фантастики там хватает.

Если кажется, что это антиутопия — опять мимо.

Хотя антиутопии там более чем достаточно.

Там есть пекарня, мусор, сюр, чёрный юмор, Израиль, корпорации, люди без сознания, люди со слишком большим сознанием и человек по фамилии Букетов, который постоянно спрашивает: «Зачем?»

В общем, выберите то, что вам нравится.

Или смешайте всё вместе.

Меня иногда спрашивают:

— Как ты написал роман?

Отвечаю:

— Очень просто.

Берёшь буквы и прямо из мешка их на пустой лист сыпешь.

Насыпал — бери лист двумя руками и трясги из стороны в сторону, что есть силы.

Пока трясешь — буквы сами в слова собираются и пустые места на листе занимают.

Встают обычно кто где положено, но для надёжности — проверь. Вдруг где предатель засел.

Проверил, лишнее в мешок скинул — значит готов лист.

Так, незаметно, и роман собирается.

Чего сложного-то?

Константин Букетов

Семь сигарет

Семь сигарет. Роман.

Часть 1. Семицветик.

Глава 0. Маалит.

— Маалит!!!

Я думал у меня лопнет голова, когда Мухи, не поднимая глаз от стола, огласил своё требование предоставить ему лифт.

Этот крик будто взрывом пробил виски. Да так сильно, что я еле удержался на ногах.

Я стоял оглушённый...

А он чуть прищурился и сказал:

— Ультразвук направленного действия. Хоть бельё стирай.

И действительно — крик пронизывал пространство, разлетаясь по этажам и проникая в каждую щёлочку.

Было невозможно укрыться и не пропустить сквозь себя волну мелкой дрожи. Хотелось только одного — исполнять.

Вот и сейчас — лифт прибыл молниеносно.

Учитывая, что утром за лифт идёт жестокая борьба — можно сказать, что Мухи "выиграл битву при Маалит".

Он вытянул из кармана полиэтиленовый пакетик. Извлёк две сигаретки странного вида. Одну протянул мне.

— Бери.

— Что это?

Он хмыкнул и почесал затылок:

— Контрабанда с родины.

Я закурил. Поморщился.

— Какая-то дрянь. Ты чего, травник, Семицветик туда напихал? У меня в голове будто спица застряла.

Никто не ответил.

На секунду показалось, что звук в помещении стал тише, будто кто-то убавил громкость.

Глава 1. Бурые зоны.

Под ногами хрустела бурая, расслоившаяся и разрезанная хаотичными трещинами поверхность. И пыль. Она чуть приподнималась при каждом шаге, зависала в воздухе и мягко опускалась, заполняя собой отпечаток ботинка.

Я наклонился, провёл пальцем по бурой пыли и спросил:

— Почему она будто живая?

— Всё из-за тумана. Он ведь как лупа. Медленно, медленно. Но своё возьмёт, — хрипло ответил Мансур и поднял голову вверх, где кто-то разлил утреннее молоко.

Я поковырял землю носком ботинка и, пробившись сквозь слой бурой пыли, добрался до поверхности. Стукнул. Земля была твёрдая, как обожжённая глина.

— Что здесь раньше было?

— Раньше, — усмехнулся Мансур. — Тебе с какого раньше знать хочется?

Он почесал у виска.

— Отстойник был. Эти земли ещё в старом правительстве под туман определили. Когда море высохло.

Справа и слева тянулась бурая пустошь — потрескавшаяся, как старая соляная кожа. Местами поверхность вспучивалась невысокими валами, будто бывший прибой так и застыл, не успев откатиться.

А спереди — стена белого тумана. Он поднимался так высоко, что заглянуть за него не было никакой возможности.

Скоро мы подошли вплотную к белой стене и Мансур шагнул в круглый узкий тоннель, пробитый в густом вязком, будто йогурт, тумане. Тоннель извивался, а по потолку и стенам свисали жирные белые капли. Некоторые держались лишь за тонкую ниточку, словно хотели упасть и расплюхаться себя.

Я протянул руку к капле йогурта, выставил палец и уже хотел прикоснуться, потрогать, но Мансур одёрнул:

- Расплюхается. Потом не отмоешься. Мы когда этот про-

ход рубили, один под капли встал — три года потом с себя туман соскабливал.

Я одёрнул руку и Мансур повёл нас дальше.

Проход петлял, заворачивая то в одну, то в другую сторону, но постепенно белые стены начали редеть. Капли встречались всё реже, а туман уже не давил так сильно и расплзался рыхлыми клочьями.

Впереди стало заметно светлее. Я сделал ещё несколько шагов — и труба закончилась.

Перед нами была огромная поляна.

И бесконечное множество тонких, как стебли, многоярусных слоёв, соединённых трубами, уходили за горизонт. Похожие на ножки цветов, они поднимались ввысь, скрываясь в тумане.

— Сколько их здесь? - прошептал я.

Мансур остановился.

— Пришли. Теперь ждём, нас заберут.

Когда я уселся в мягкую, как мох, пыль, и опустил руку, то ладонь полностью скрылась в слое подвешенных в воздухе бурых частичек. Я немного поигрался пальцами, и не поворачиваясь, спросил:

— Как вам тут живётся?

— Очень хорошо. Главное, что без подписки, будь она неладна. А подальше от правительства — оно вернее будет. Мы ведь конгломерат, но каждый сам по себе.

— Это как?

— Посёлки.

— Что?

— Ну посёлки у нас. И в каждом своя управа — свой староста. Избираем на год. Но не больше трёх. А то знаем мы эти штучки — глазом моргнуть не успеешь, а он уже тобой командует. Прирос, видите ли. Одного так и оторвали - только верх. Ноги в должности остались.

Я с удивлением посмотрел на него.

- Ну что непонятного. Сидит человек на должности. На

бумажки печати шлёпает. И кладёт - с синей печатью направо, а с красной - налево.

- Зачем?

- Положено. Он же староста. Сел и год не встаёт. Потом переизбрание - можно размяться, в выборах поучаствовать.

- Забавно живёте. А между посёлками есть связь? Ну торговля там и прочее.

- А как же. Я ж говорю - конгломерат.

Я сидел в бурой пыли и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за долгое время никуда не тороплюсь. Но, видимо, по привычке спросил:

— Долго ждать?

— Нет, — он показал пальцем куда-то вдаль. - Видишь?

Я напрягся, но кроме назойливых мух ничего не разглядел.

— Да только мух видно. Куда смотреть?

— А вон, видишь ту муху?

— Ту?

— Да.

Я не отрывал взгляд и скоро муха стала расти. Быстро. Потом до меня донёлся шум. И чем ближе подлетала муха, тем громче трещал воздух вокруг неё. Словно мелкие разряды электричества взрывались попеременно со всех сторон.

— Да это не муха, — сказал я, — это...

Я не договорил. Пространство наполнилось трескотнёй и над нами зависла чёрная капсула с крыльями, натурально, как у мухи. Капсула качнулась и рухнула вниз, подняв клубы бурой пыли.

Я закрыл глаза и замер.

— Пойдёмте, — Мансур тронул меня за руку.

Мы подошли к капсуле и забрались на задние места. Сидевший спереди парень повернулся и сказал:

— Каша.

Ему было лет двадцать пять. Рыжие кучерявые волосы, крупный нос, вытянутое, как дыня лицо.

— Как? — переспросил я. — Извини, не понял. Видно, оглушило, когда ты падал.

— Падал, — рассмеялся он и кучеряшки на голове весело затряслись.

Мансур повернулся и сказал:

- Он у нас три в одном: водитель, на ночлег разместитель и твоих тутошних дел устроитель. Так что располагайся, будь как дома.

При этих словах Мансур похлопал парня по плечу.

— Каша, - ещё раз представился парень, улыбаясь во весь рот.

— Букетов.

И в этот миг я понял, что где-то видел этого парня. Точно. Но где?

— Пристегнитесь, — сказал Каша. — Будет трясти.

Я защёлкнул ремень.

Муха заревела и резко оторвалась от поверхности. Меня вдавило в кресло, но страха почему-то не было.

Вскоре белый туман быстро проглотил нас. На секунду стало тихо. Только треск крыльев и мягкое покачивание капсулы.

А когда муха поднялась выше - я увидел белое поле, усеянное чёрными одуванчиками на длинных ножках. Они чуть покачивались, но хаотичные перегородки, соединявшие их между собой в одну большую клумбу, держали всю конструкцию.

Чем ближе мы подлетали, тем меньше всё вокруг казалось чужим. Будто я возвращался туда, где меня давно знают.

Совсем скоро я уже разглядел чёрную платформу на ножке. Она была похожа на многоярусный остров. Верхние уровни тонули в мягком свете. На одном - двое сидели за столиком и пили чай.

На нижних виднелись сады, гладкие площадки и круглые дома без углов. Где-то переливались маленькие водоёмы, а чёрные одуванчики были высажены рядами, как декоративные аллеи.

Между уровнями шли плавные переходы без ступеней, будто здесь всё было придумано для неспешной жизни.

И главное - меня здесь ждали.

Снизу нас увидели и замахали. Я разглядел мальчика. Он держал за руку свою молодую маму, подпрыгивал и махал рукой, как будто знал, что это я. И что-то кричал.

Я смотрел на женщину с ребёнком и вдруг почувствовал странное спокойствие. Будто где-то существует жизнь, в которую ещё можно успеть.

Грудь пробило мелкими иголками. Я потянулся к ним:

- Там...

Луч солнца упал на лицо.

Я почесал нос — не помогло.

Чихнул.

И проснулся.

Глава 2. Зачем?

— Там... — пробормотал я, открыл глаза и долго не понимал, где нахожусь. Маленькая комнатка с низким потолком и крошечным окошком в ночь.

Голова была тяжёлая, как после дороги. Я провёл ладонью по лицу — пыль. И тут же посмотрел на руку — нет, показалось.

— Жаль, — сказал я сам себе, встал и подошёл к окну. Вдохнул прохладный воздух ночного Израиля, закурил и долго смотрел в темноту.

— Что-то не так? — спросил голос.

— Я здесь совсем один, — ответил я.

— Всё в твоих руках, мой друг. Ты ведь сам сюда приехал. Зачем?

— Куда-то надо было ехать. А здесь лучше, чем там, где хуже.

— Ну, тогда понятно.

— Да что тебе понятно, если мне самому ничего не ясно, — огрызнулся я, вдавил окурочек в оконную раму, в то ме-

сто, где от множественных ожогов белый пластик расплавился и почернел. Швырнул окурок подальше и пошёл на кухню, чтоб сделать себе кофе.

Как только я открыл дверь своей комнаты, то упёрся в раскладной пластиковый стол, стоящий слева.

Над столом кондиционер. Вода капает с кондиционера прямо в ярко-красное ведро на столе.

...пульк... пульк... пульк...

Рядом с ведром устроился мужчина в майке и со вкусом хлопает борщ.

...пульк... ф-ф-ф... пульк... ф-ф-ф...

— Перестановку не думали сделать? — спросил я. — Стол в центр, холодильник сюда — под кондей.

Мужчина оторвался от тарелки.

— Зачем?

Я не ответил, лишь мотнул головой, налил в чашку кипятка и вернулся в комнату. Сел.

Кофе показался слишком горячим.

Я поставил чашку и сказал себе:

— Ладно.

Натянул футболку. Шорты. И вышел.

Ночная улица была пустынна, и я довольно быстро добрался до пекарни. А когда поднялся на этаж, то сразу увидел Мухи.

Он стоял у стола, что-то насвистывал и жёлтыми от табака пальцами ритмично катал шарики теста.

Идеальные сферы выстраивались в ряд, как маленькие белые планеты.

— Шалом, — кинул я. — Кофе будешь? — и включил чайник.

Мухи кивнул и долго молчал, будто обдумывал что-то своё, а потом вдруг сказал:

— Просракали Агала-12.

— Чего?

— Бедно живёте.

Он скинул со стола обрезки теста и плюнул в догонку.

— Голый пол — это как голая задница. У нас на Агала-12 землю видели только покойники. Любой уважающий себя агалаец даже не ступит по слою упаковок от чипсов толщиной меньше, чем в ярус.

Я уставился на него, а он застыл, чуть приподнял голову и прищурился.

— Эх, если бы тебе разок удалось похрустеть слоем забрендированной полоски — ты бы сразу понял, о чём я, — и посмотрел с такой тоской по невозвратному, что мне стало его по-человечески жаль.

— Да это что — ерунда. Вот богачи — те на Вершинах. У них слой мусора под задницей — сто ярусов чистого люкса.

— Сто?

— Да ты знаешь, сколько за ярус такого слоя получается?

Понятно — не знаешь. Много получается. Там лучшие бренды спрессованы, а не как здесь, — он обиженно плюнул на пол, попав точно в прилипшую муху.

— А клубы на пятьдесят четвёртом? Когда под ногами «жир жизни». Да что там...

Мухи махнул рукой, взял пустую картонную коробку и пошлёпал в мою сторону, в своей шаркающей манере — с раздвинутыми наружу коленями.

Швырнул коробку в окно, поднял указательный палец и важно произнёс:

— Если мусор в окно выбросить не получается, то кидай прямо под ноги. Это всегда был принцип нашего существования.

Глава 3. Слоистый мир.

Мухи пристроился напротив на пластиковом ящике и с удовольствием закурил.

— Каждый хотел повыше, — сказал он.

— Почему?

Он посмотрел на меня и жалостливо скривил рот.

— А как? Все свой слой вверх тянули. У кого деньги есть, тот готовых блоков закупит. Забрендovaných. Пресс плотный. Без червоточин. К нему подписку берёшь от Внезапников — и всё. Ни о чём не думай.

— Каких ещё Внезапников?

— Сам-то ты сверху. А под жопой у тебя пятьдесят ярусов.

Он постучал пальцем по лбу.

— Соображаешь?

— Чего? Аренда?

— Ну да. Пилишь на ячейки. И сдаёшь. Чем выше — тем дороже. Ну и прикинь: надавал ты, а тут какой-то негодяй внезапно перестал платить.

— И что тогда?

— Что тогда. Группа выезжает. А ты по подписке даже не знаешь об этом. Выехала, не выехала — у тебя другие забо-

ТЫ.

— Какие при такой жизни могут быть заботы?

— А те, кто сверху?

— Ну а если самому слой слепить? Ладно, пусть не пятьдесят... допустим, пятнадцать?

— Из чего лепить собрался? Что на лепку годится — всё в деле. Поэтому так: хочешь — местный бери, а нет — из-за озера заказывай. Там, конечно, дешевле, но и качество тоже. Зато какой-никакой бренд. Всё же гарантия на сброс. Ну и два периода бесплатного контроля. А не хочешь бренд — заказывай у мастерового.

— Он слепит?

— А то. Если не промахнётся.

— Что ты меня путаешь. Скажи нормально.

— Да не путаю я. Короче, жуликов на этом рынке, как булочек в этой агале, — он стрельнул глазами в стоящую рядом тележку.

— Того и гляди — подпихнут. И главное — снаружи так всё достойно. А через пару лет — как поймёшь.

Он подвигал пальцем у меня перед носом.

— Тут если слой поехал — уже рубить надо. А это же вся система под замену.

— Трудно вам — агалайцам.

— Это ещё ничего, — сказал он и махнул рукой, — вот в Бурых зонах кто живёт — их вообще не понимаю.

— А что?

Мухи вдруг посерьёзней. Стал смотреть себе под ноги. Прислушался.

Ничего.

— Ничего, — тихо сказал он.

И снова вернулся в разговор:

— Представь, если на двадцать уровней вверх — и тонкая.

Он свёл два пальца и протянул их сверху вниз, показывая, насколько она тонкая.

— Самопал. Ещё при старом правительстве скупили себе участки в Бурых зонах и навтыкали там своих спичек. Перегородок между ними наставили, чтоб те не падали. Зато под жопой своя двадцаточка.

И он несколько раз похлопал себя по заднице.

— Но всё одно каждую зиму по радио передают:

— Какой-нибудь посёлок «Туманный» полностью разрушен. Жертвы. Пострадавшие. А кто их спасти будет? В Бурых зонах статус не регистрируют. А нет статуса — нет подписки.

Он затушил давно догоревшую сигарету, хлопнул себя по коленям и сказал:

— Ладно. Надо бы и поработать.

И пошлёпал к огромному миксеру, что всё это время шумно крутился. Остановил его и, перегнувшись через край чаши, стал орудовать ножом.

Тихо. Было слышно только вязкое чмоконье, когда нож

впивался в массу.

Когда Мухи отрезал два огромных куска, мы понесли их, прижав к груди, как младенцев, и с шумом плюхнули на стол.

От кусков он отрезал полоски и укладывал их в аппарат. Аппарат выдавал сосиску. Мухи крутил из неё фигурку и бросал на магаш.

Фигурка падала точно в нужное место. Рядом другая. Ещё одна.

Ещё.

Ещё.

Движения были быстрыми, точными. Он брал хвостик, делал петельку, засовывал хвостик в петельку и...

— Уснул? — вдруг спросил он.

Я очнулся и увидел — магаш полный. Убрал его в агалу, поставил новый, и тот сразу стал быстро заполняться фигурками из теста.

Шлёп... Шлёп... Шлёп... Шлёп...

Под это мирное шлёпанье смена подошла к концу. Мухи всё время что-то болтал, но я уже не слушал. Или делал вид, что не слушаю.

Перед уходом он сунул мне Семицветик. Я выставил ладонь:

— Обойдусь.

Он пожал плечами и убрал обратно, а я задержал руку в воздухе чуть дольше, чем нужно.

Глава 4. Суд.

Дома я упал на кровать не раздеваясь, и мне показалось, что матрас вздохнул и подстроился, потому что стало жутко удобно. Усталость накрыла меня — я лежал и не мог пошевелить даже пальцем. Или не хотел.

Я опустил веки — не спалось. Тогда я открыл глаза и хлопал себя по карманам, ища сигаретный набор. Не нашёл. Засунул руку в первый попавшийся и вытянул Семицветик.

Я не удивился. Но не сразу понял, чего хочу. Посмотрел сначала на сигаретку. Потом в себя.

— Судебное заседание по гражданскому иску объявляется открытым, — сказала судья и ударила деревянным молотком в подставку. — Начинайте, советник.

И жестом указала в сторону заявителя.

Поднялся непонятного возраста гражданин. Его лицо одновременно было и его будто бы не было.

Позади гражданина сидела группа с такими же физиономиями. И все они носили одежду красного цвета одинакового фасона.

— Ваша честь, мы — группа ПРОТИВ, в составе: страха, тревоги, сомнения, осторожности, стыда и неопределённости...

Он обвёл рукой своих товарищей.

— Заявляем о недопустимости...

Советник осёкся, подался к судье и сказал, чуть понизив голос:

— Кстати, мера тоже должна была быть с нами, но она...
— он передал судье листовку, сильно похожую на плакаты из вестернов.

Судья прочитала:

— Разыскивается.

— Потерялась, — мрачно произнёс советник и медленно провёл ладонью, будто по речной глади. — Как в воду канула.

Судья на секунду задержала взгляд.

— Без меры... Плохо...

Зал завозился, заскрипел креслами и зашептал. В центре поднялся гражданин с газетой в руках, и стал выкрикивать, поворачиваясь во все стороны:

— Это она с любовником сбежала. В страну бесконечности. Я читал в утренних газетах. Тут даже их фотографии есть. Смотрите, — он поднял повыше мятую газету и продемонстрировал фотографии.

— Да это липа всё, — взорвался мужчина средних лет в голубой шапочке, сидевший с краю. — Уже опровержение было.

— Где было? Где? — завёлся газетный.

— По радио.

— По радио, — передразнил газетный. — Радио не в счёт. По радио всякий может. Вот помню, случай был — захватили, значит, радиостанцию...

Люди, сидевшие вокруг него, развернулись, создав круг, и приготовились внимательно слушать.

Мужчина в голубой шапочке, увидев возникший ажиотаж вокруг истории с радиостанцией, запрыгал на месте и заголосил:

— Не было такого. Врёшь. Никто не захватывал — они сами. Сами сдались. Понял.

Зал загудел. Полетели обрывки оскорбляющих фраз. Шарик из бумажных листиков. Карандаши.

Судья ударила молотком — стало тихо. Она устало прикрыла глаза, а я на мгновение взглянул на Семицветик и тут же вернулся обратно.

— Продолжайте, советник, — сказала судья и переложила

молоток ближе к правой руке.

— Так вот, — советник выровнялся. — Мы заявляем о недопустимости принятия положительного решения. Мы основываемся на старых, хорошо проверенных методах безопасности, — он похлопал по фолианту, что лежал перед ним на столе.

— Я сейчас не буду тратить ваше время, но считаю необходимым зачитать небольшой параграф, — при этих словах он наслюнявил палец и стал листать фолиант в поисках нужных строк.

— Ваша честь, — сказал гражданин из группы, которая, по видимому, представляла противоположную сторону, потому что была в форме зелёного цвета.

— Мы — группа ЗА, в составе: зависимости, любопытства, азарта, контроля и безрассудства, заявляем...

Он выставил руку и указал на советника, который вновь наслюнявил палец и тихо ругался, перелистывая страницы то в одну сторону, то в другую.

— Советник не подготовился. Мог бы и закладку заложить. Неуважение к суду, Ваша честь.

В зале кто-то возмущённо зацокал языком, но судья тут же взглядом призвала к порядку.

— Я закладывал, — заистерил советник, всё яростнее листая страницы. — Может, внутрь залетела...

Он будто что-то понял, поднял голову и посмотрел в сторону группы ЗА. Ткнул пальцем в неопределённость, что уже гордо сидела в рядах его врагов, и сказал так, будто вынес приговор:

— Или кто-то специально вынул.

Неопределённость подскочила и в несколько шагов перебралась обратно к группе ПРОТИВ.

Всё это время стыд ёрзал на своём месте. Но сейчас, когда неопределённость прыгнула рядом с ним и случайно задела его локтем — он решился. Поднялся, но оставил одну руку на кресле и теперь стоял на полусогнутых. Приставил ладонь ко рту и тихонько напомнил советнику:

— Зависимость.

Советник кивнул и захлопнул фолиант. А стыд сразу вер-

нулся на место. Выдохнул.

— Ваша честь, — сказал советник. — Против нас плетут интриги. Переманивают наших сторонников и при этом используют такие методы, что оторопь берёт.

— У кого берёт? — спросил любопытство. Контроль ударил его по руке, и тот притих.

— Зависимость, — протянул советник. — Вы знаете, что у неё роман с безрассудством?

— Правда? — спросил любопытство, поворачивая голову то вправо, то влево.

— Неправда — я независимая. И попрошу не лезть в личное пространство.

— Довод отклоняется, — сказала судья.

Любопытство покрутился и спросил:

— Почему?

Но ему никто не ответил. Только в зале кто-то хмыкнул:

— Первый раз, что ли.

Любопытство втянул голову и со скучающим видом провалился поглубже в кресло.

Советник кивнул в сторону судьи и продолжил:

— А как они повлияли на контроль? Он потерялся. И когда его нашли, он был в пограничном состоянии. И они воспользовались.

Советник погрозил пальцем в сторону группы ЗА.

— Воспользовались и подсунули ему БЕЗу.

Контроль сидел, сцепив руки в замок, и быстро постукивал большим пальцем по костяшке.

— Неправда, — сказал кто-то из группы ЗА. — Он таким всегда был. Скрывал просто.

Контроль резко дёрнул рукой, будто хотел что-то сказать, но вместо этого лишь вздохнул.

— Это всё ваш стыд. Наговорил ему всякого. А этот, — говоривший показал на осторожность, — он же шагу не да-

вал ступить. Всё — смотри, а вдруг, а если. Распустил тут сопли.

Браслет на руке контроля тревожно завибрировал. Он сначала будто ждал, что справится сам. Потом достал органайзер с таблетками. Вынул две и проглотил.

Азарт похлопал его по плечу:

— Нормально?

— Порядок, порядок, — ответил контроль.

Дебаты были горячими. Преимущество по очкам переходило от одной группы к другой, и было непонятно, кто ведёт.

Но при этом безрассудство развалился на стуле так, будто заседание уже выиграно. Он активно двигал челюстями и иногда пытался надувать из жвачки пузыри, но они выходили негодными и тут же лопались. Правой рукой он приобнял зависимость и игриво похлопывал её по плечу.

В зале всё меньше следили за происходящим и всё чаще возникали междусобойные баталии. А на задних рядах уже спорили о чём-то своём.

Судья с силой ударила молотком в подставку. Зал замер.

— Вызываем Решателя, — сказала она.

Все, как по команде, повернулись в сторону дверей, которые распахнулись, и в зал вошёл небольшой, аккуратно одетый человек. Он неслышно ступал мягкими шагами и скоро оказался у кафедры.

Решатель положил руки на кафедру, будто вспоминая старые времена. Снял с графина тяжёлую крышку. Положил рядом. Налил воды в стакан. Закрыл графин.

— Я готов, Ваша честь, — сказал он.

Судья поправила мантию.

— Мы ждём ваше решение. Доводы сторон вам известны, — и обратилась к залу:

— Напоминаю: решение Решателя не обсуждается, не подвергается сомнениям, оспариванию, пересмотру, обжалованию, корректировке, а также является окончательным и безапелляционным.

Решатель отпил воды и при полной тишине зала его глот-

ки отдавались эхом. Стук пустого стакана. Он запустил руку во внутренний карман. Вынул из чехла очки — надел.

Положил на кафедру свёрнутый в трубочку и перевязанный красной тесёмочкой лист. Развязал узелок, аккуратно пристроил верёвочку справа. Развернул лист, разгладил. Быстро пробежал глазами, будто уже читал.

Поднял лист на уровень чуть ниже головы и произнёс:

— Согласен.

Зал взорвался, но судья подняла молоток, напоминая о своём недавнем объявлении. Граждане угомонились и разошлись.

Запахло Семицветиком.

Глава 5. Бандура.

В коридоре пахло дешёвым пластиком, прокисшим капустным супом и чем-то аптечным.

Посетители, ожидавшие своей очереди, устроились вдоль стены. Молчали.

Я прошёл мимо них и оказался у двери кабинета, над ко-

торым мигала красная лампочка. На двери — пожившая деревянная табличка:

«Доцент Бандура С.В.»

Обратив внимание, что надпись была как будто выжжена, я тихо сказал:

— Дымок.

— Что? — спросила молодая рыжеволосая женщина, сидевшая к двери доцента ближе остальных.

— Дымок. Выжигатель. У меня в детстве такой был. Берёшь кусок фанеры, вилку в розетку и...

Я не успел договорить, как дверь в кабинет открылась.

— Всё будет хорошо, — сказал Бандура и подтолкнул посетителя к выходу. Тот по инерции сделал пару шагов и в нерешительности замер.

Бандура подошёл к нему, развернул в нужном направлении и что-то шепнул на ухо. Мужчина ожил и всё так же, прижимая к груди папку, уверенно зашагал по коридору, пока не скрылся за углом.

Рыжеволосая засуетилась. Взяла тихо сидевшего рядом ребёнка за руку и уже собиралась подняться, но доцент выставил перед ней ладонь:

— Ждите, — сухо сказал он. Кинул острый взгляд своих тёмно-серых глаз на мальчика. Незаметно кивнул и тут же повернулся ко мне.

— Давно пора.

Бандура чуть приобнял меня и похлопал по плечу. И потащил в кабинет.

Очередь зашумела.

Тогда он ткнул пальцем в мигающую красную лампочку и недовольный гул затих.

Кабинет был просторным, светлым. И разделён на две части: приёмную и гостевую зоны.

— Ты неплохо устроился, — сказал я.

— Знакомься — Элла. Моя ассистентка.

Элла оказалась миловидной юной барышней. Она за-чем-то чуть присела, приветствуя меня, и протянула руку.

— Мягкая, — подумал я.

— Ну что, чаю? — громко сказал Бандура и хлопнул меня по спине. — Мне тут такой чай-закачай привезли. С Южных берегов.

Он деланно понизил голос и прогнусавил:

— Контрабанда.

Секунду посмотрел серьёзно, потом улыбнулся и сказал:

— Ну что — варю.

— Я даже не знаю.

— Тебе и не надо, — сказал он и указал на огромную табличку, больше похожую на плакат, текст на которой гласил:

БАНДУРА — ЗНАЕТ.

— Ну чай, так чай, — согласился я. — Ты-то будешь?

— Не могу. Работа, работа.

Он повернулся к ассистентке:

— Элочка, заварите-ка ему нашего — закачайского.

Потом потёр руки, хлопнул.

— Да ты садись, садись, — и нажал сверху рукой так, что я провалился глубоко в мягкое кресло.

Сам прошёл к столу. Сел. Из органайзера достал голубой бланк, положил перед собой. Выровнял. Оценил.

Нажал кнопку на стене.

Почти сразу открылась дверь, и вошла рыжеволосая с сыном. Бандура молча указал им на стулья.

— Когда началось? — спросил Бандура.

— Три дня назад, — тихо ответила женщина. — Сначала просто молчал, потом...

— Молчание — не симптом, — перебил Бандура. — Это стадия.

Он что-то записал в голубой бланк.

— Спит?

— Нет.

— Ест?

— Через раз.

Бандура кивнул.

— Увеличение мыслительного нерва, — сказал он.

Женщина побледнела.

— Это лечится?

Он посмотрел на неё, как будто вопрос был странный.

— Проверим чувствительность, — и поводит по воздуху указательным пальцем, внимательно разглядывая мальчика.

— Будем вскрывать.

Оторвал взгляд от мальчика, повернулся и громко произ-

нёс:

— Элла, запишите: левомитиратор, двойной уклонный проходник и, пожалуй, микс.

— Микс? — переспросила Элла.

При этих словах женщина стала нервно вертеть головой, жадно вслушиваясь в их диалог.

Доцент ответил тут же, не раздумывая:

— Да. Микс — обязательно, — и принялся заполнять бланк, что-то тихонько насвистывая.

Элла ушла за ширму. Позвенела оттуда чем-то металлическим. Потом высунула из-за ширмы голову и сказала:

— Готово.

Бандура, не отрываясь от бланка, выдавил:

— Угу.

Глава 6. Закачайский чай.

Элла поставила на столик чашку и и хитро улыбнулась.

— Закачайский — угощайский, — сказала она.

Чай был тёмный и больше похож на разбавленный фруктовый кисель, когда перестарались с черносливом. По верху клубился чуть заметный туман.

Я взял чашку, поднёс к лицу и сделал вдох. На удивление, запах был приятный, даже нежный. Меня будто бы чуть качнуло, и в голове пронеслась забытая мелодия.

— Вы подождите, — посоветовала Элла, — горячий.

Я согласился и поставил чашку на столик.

Тем временем Бандура заполнил бланк и вместе с мальчиком прошествовал за ширму. Заиграла успокаивающая музыка.

— Фиксируем, — сказал Бандура.

Из-за ширмы слышалось шуршание, скрип кожаных ремней.

И дальше был слышен только его голос.

— Точно там, где я наметил. Элла, не как в прошлый раз.

Учимся, учимся.

Неплохо.

Вертикальный реструктор. Держим.

Левомитиратор. Хорошо. Встало? Отлично.

Отказ. Уход. Вернулись. Готовим двойной уклонный проходник.

Прекрасно.

Тише, тише. Вы так сожжёте и проходник, и сознание. Да. Правильно. Хорошо.

Микс.

Я сам.

Женщина с испугом вдавила себя в неудобный стул, прислушиваясь к каждому слову.

Из-за ширмы слышались звуки, словно кто-то бил подушкой по кровати.

— Элла, фиксируйте уровень, — сказал Бандура.

— Двенадцатый, — послышался её голос.

— Проходимость?

— В норме.

— Чувствительность?

— Шесть.

— Отлично. Устойчивость?

— Тридцать четыре.

— Как тридцать четыре?

Пауза.

— Не сегодня...

Пауза.

— Закрывайте.

Мне показалось, что чай достаточно остыл, и я, обняв чашку двумя руками, сделал глоток. Напиток оказался не таким густым на вкус, как думалось. И очень приятным. Может, немного терпким, но только чуть-чуть.

Бандура вышел из-за ширмы. Сел за стол. Записал в бланк. Засунул бланк в стоящий на столе аппаратик. Тот зажужжал, засветился голубым и выдал талон. Бандура протянул талон рыжеволосой.

— Возьмите. Послезавтра сможете забрать.

— Всё в порядке, доктор? — спросила женщина, стреляя глазами во все стороны.

— В порядке, в порядке, — холодно ответил Бандура. — Микс в этом случае неприменим.

Он открыл журнал, сделал запись и снова посмотрел на рыжеволосую:

— Послезавтра.

Та встала. Толкнулась в сторону ширмы, но нарвалась на взгляд доцента и тут же исчезла за дверью, оставив после себя тень. Я замер, и даже хотел встать и подойти поближе.

Но тень растаяла.

Открылась дверь. Зашли два санитара с тележкой. Перегрузили тело и укатили.

Бандура подошёл ко мне. Упал в соседнее кресло и хлопнул меня по колену.

— Ну как тебе моя лаборатория? Ты же не был тут ни разу. Хотя всё обновляется, — он поводит рукой вокруг и покивал. — Время, время. Из старого только я и «Дымок». Увидел?

— Сразу.

— Ну ты давай. Чай-то пей. Пока тёпленький.

Я сделал глоток и сразу услышал ту забытую мелодию:

Ту-ту-ру-ту...

Она исчезла также быстро, как и появилась, но мне показалось, что под ногами пробежала волна. Подул солёный ветер, пахнувший цветущими сизыми травами Южных берегов, что густо покрывают тамошние холмы. Я машинально облизал палец и поднял его, ловя ветер.

— Отличный бейдевинд, — сказал я и посмотрел на карту, лежащую на столе. Провёл пальцем по прямой.

— С таким ветром мы скоро окажемся в коридоре из отвесных скал, а там и до Суровых кущ недалеко.

В такт моим словам снова заиграла давно забытая мелодия:

Ту-ту-ру-ту...

Кто-то потряс меня за плечо. Я отвлёкся, и в этот момент со стола пропала карта. Тогда я нагнулся и посмотрел под ноги — под столом карты не было, а поднявшись назад, я понял — украли ещё и ветер с его удивительным запахом трав.

Вместо всего этого передо мной красовалось лицо улыбающегося Бандуры.

— Ты чай то пей, — сказал он, поднялся и вскоре оказался за столом. Приготовил новый бланк. Выровнял. Оценил.

Нажал кнопку на стене.

Глава 7. Без сознания.

Дверь распахнулась. На пороге стоял молодой мужчина и придерживал за локоть товарища. Тот сжимал в руках целлофановый пакет.

Бандура указал сесть.

— Как давно? — спросил он.

— Третий месяц пошёл.

Бандура записал в бланк, открыл ящик стола и достал фонарик. Обошёл стол, взял больного за подбородок и стал крутить его голову, словно мяч, и светить то в его пустой глаз, то в подрагивающее ухо.

Закончив процедуру освещения, Бандура вернулся за стол и спросил у пациента:

— Он там?

Больной кивнул.

— Говорит?

— Да.

— О чём?

— Чтобы я не приходил.

Бандура посмотрел на пакет. Больной затряс руками. Целлофан затрещал. Громче. Ещё громче.

Друг засуетился и хотел было успокоить больного, но Бандура кинул:

— Нет, — и выставил руку, не давая остановить трескотню. Что-то записал в бланк. Повернул голову.

— Элла. Готовьте заместитель.

Посмотрел на больного и положил ладонь ему на руку. Больной успокоился. Треск прекратился.

— Это ваш родственник?

— Друг.

— Бывший, — сказал Бандура. — Бывший друг. Процесс запущен. И единственное — это замещение. Подпишите вот здесь.

Он подsunул часто моргающему другу бланк. Друг вклепил закорючку.

Подoшла Элла. Аккуратно надела на голову мужчины шлем из проводов и дырок. Нажала переключатель — шлем замигал белым.

— Сейчас идите, — сказал Бандура, протягивая другу талон. — Через четыре дня, когда свет станет светло-коричневым, — он постучал по лампочкам на шлеме, — запишитесь на приём.

Друья покинули кабинет.

Бандура подошёл ко мне. Провалился в мягкое кресло с высокой спинкой. Выдохнул.

— И так целый день, — сказал он.

— А, да, — он повернулся в кресле, — Элла, не забудьте запустить дистанционный заменитель.

— Я запустила.

— Хорошо.

Он выровнялся.

— А то, знаешь, не часто бывает, — сказал он уже мне. — Чтоб вот так — за бесплатно, на замену. Друг у него молодец. Сразу подмахнул.

— А что, — поинтересовался я, — сознанием до сих пор торгуют?

— Да ты отстал от жизни. Сейчас это вообще самый топ. Что ты. Тут целая система. А я в ней — маленькая виноградинка.

И Бандура плюснул пальцы, показывая, насколько маленьким он был.

— Свежее сознание. Зачищенное. Без багов. Ставишь в башку модуль. Интегрируешь. И живи по прямой, как говорится.

При этих словах он хлопнул ладонью по столу.

— Теперь с рынка можно взять почти новое. С небольшим износом.

Он повернулся в кресле:

— Элла, мне кофейку, пожалуйста.

— Хорошо Сергей Валерьянович, — отозвалась Элла.

Бандура снова посмотрел на меня.

— Да, почти новую. После испуга. Разводники хорошо идут. Они мягче. Податливей. Есть, конечно, дешёвка, снятая второпях, с шумами, с остатками. Ну тут если на время перебиться, а так — без толку.

— Удобно стало, — сказал я.

— А то. Утром поставил — к вечеру человек ровный.

Появилась Элла. Поставила чашку на стол.

— Спасибо. Устройте себе перерыв, — сказал Бандура.

Он помешал ложкой кофе. Сделал глоток. Ещё.

— Элла — чудо. Ты чаёк-то пей. Главное, чтобы носитель был чистый. Без трещин. На таких запрос хороший.

Он наклонился ко мне.

— Но это редкость. Хорошее сознание сейчас долго не лежит.

— А подделки бывают?

Бандура фыркнул и махнул рукой.

— Полно. Напихают обрывков. Спят одно из трёх. Снаружи вроде бодрое, а внутри каша. Одному воткнули — а там кладовщик предпенсионный. С обидой. Три дня новый хозяин ходил, инвентаризацию требовал. Потом привезли ко мне.

Я улыбнулся.

— И что ты сделал?

— Снял, перепрошил под безхарактерную. Но ты сам понимаешь — тени. От них никуда.

Он посмотрел серьёзно.

— Характер сейчас вообще плохо продаётся. От него одни сбои. Ты чай-то пьёшь?

— Да пью, — я показал, что выпил уже почти полчашки.

— Не качает что-то.

— А ты пройдишь.

— Думаешь?

В ответ он лишь показал пальцем на плакат.

— Понял я. Ты — знаешь. Пойду прогуляюсь по больнице.

— На другие этажи не ходи, — предупредил Бандура. — Здесь гуляйся.

Когда я оказался у двери и потянул за ручку, то сразу упёрся в маленькую старушку. Отошёл. Она прошла в кабинет. Села.

Я сделал два шага и захлопнул за собой дверь.

Лампочка мигала красным.

Глава 8. Суровые кущи.

Слева от меня сидели несколько человек, ожидающих приёма: средних лет мужчина с девочкой в цветастом платье, бабушка и внук, одинокий старик и молодая дама с мальчиком лет двенадцати.

Внук поднялся и подошёл ко мне.

— Есть закурить? — спросил он и нелепо улыбнулся.

— Есть, — сказал я и вытащил из кармана пачку. — Кури на здоровье. Да ты две бери.

И тут огромная волна ударила в борт.

Хорошо, что я держался за штурвал. Оттого и не свалился сразу. Только сильно качнуло.

Налетела чёрная туча. Поднялся шторм. Ветер с шумом хлестал паруса моей шхуны.

Я вскинул голову и сквозь стену тяжёлых капель увидел — топовый огонь рвался во все стороны одновременно.

— Оверштаг! — крикнул я команде и круто заложил штурвал, и сделав небольшой крюк увёл шхуну под скалу. Здесь было не так шумно.

Всё это время под ногами путался какой-то матрос. Я посмотрел на него и кивнул:

— Тебе чего?

— Слушай, — спросил он, — а ты доктора знаешь, да?

— Знаю.

— Ну и как он? Ну, как доктор там — нормальный, да?

— Ты с какой целью интересуешься?

— Да мне так, чисто для себя. Бабка, — он потянул головой в сторону старухи. Она сидела в компании нескольких крестьян там, вдалеке. За дымкой тумана, поднимающегося с бурной воды.

— Что с ней?

— Фиксация уровня. Назначили принудительное снижение. Ну она, типо, на поправку пошла, а тут отказ от тревоги.

— Это плохо? — спросил я.

— Проверим, да. Сюда направили. Сказали: только если куда идти — то к нему. Светила, типа.

— Ну проверь, — посоветовал я и скомандовал: — Все по местам! Курс на Суровые кущи!

Лёг на правый галс и помчался среди бушующих волн. Вдоль отвесных скал, что защищали от порывов бокового ветра.

Вдруг суровая волна подкатила и ударила в борт.

— Эх, закачало, ребята! — крикнул я вниз.

Шхуну бросило в скалы и я едва избежал касания, и быстро, пока всё затихло, выбрался на середину пролива.

— До Суровых кущ недалеко! — подбодрил я команду.

И негромко сказал:

— Главное — пройти мыс. И вовремя уйти вправо. На открытой воде, да в такой шторм, меня может унести бог знает куда. Ни один навигатор не вытянет.

Шум так же резко утих. Будто кто-то повернул выключатель.

Я моргнул.

Передо мной снова был коридор.

В руке — сигарета. Рядом — парень. Старуха — на месте.

Только сердце колотилось так, будто я только что вынырнул. Я провёл ладонью по лицу. Мокро.

— Ты чего? — спросил парень.

— Ничего, — сказал я и, немного пошатываясь, зашагал прочь.

Дойдя до нужного места, я толкнул дверь, и в глаза ударил яркий свет. Но сделав шаг, я тут же отскочил назад.

— Чёрт, предупреждать надо. Я-то думал, тут как везде — полы сменили. Старая школа, мать вашу.

Я стоял, не решаясь пройти.

Плитки на полу не было. Вместо неё — гладкое, как кожа, чуть влажное покрытие. Оно имело удивительно разнообразный рисунок, который, кажется, не повторялся.

— Кругляшки, — недовольно сказал я, вспомнив школьные годы. Когда поход в туалет — как подвиг.

Ступил одной ногой — покрытие едва заметно подалось. Ещё шаг. Ещё.

Белая дверь кабинки.

Знакомые мурашки побежали по телу. В голове задрезжал противный голос зрителя:

— Не заступать за жёлтые линии! Если, конечно, не решили сегодня прийти домой без ноги. Букетов, вас не касается? Хотите, как Лёша Завьялов?

— Нет, не хочу, — сказал я голосом маленького Букетова.

— Тогда — ноги на линии. Руки — на поручни. Все повторяем за мной.

— Ноги на линии, руки на поручни, — повторил я, глядя в белую дверь кабинки.

Я знал, что меня ждёт — тёмное живое ненасытное отверстие в полу. Такое, будто по коже несколько раз неаккуратно

резанули бритвой. Рана раскрылась, и со временем кровавые края обсохли и покрылись пупырчатыми наростами.

Я толкнул дверь. Запаха почти не было. Только пар, как в бане. Жёлтые линии. Поручни.

Отверстие зачмокало. Я постоял.

— Нет.

И отправился к умывальнику.

Опёрся рукой о тёплую, слегка пульсирующую стену и нажал на рычаг. Прямо из стены пошла вода. Я плеснул в лицо. Холодная. Будто родниковая. Ещё раз. Снова.

Обтёрся ладонью и вышел в коридор. Всё ещё слегка покачивало. Но под ногами был уже другой слой.

Глава 9. Четырнадцатый и обратно.

Вдруг напротив загромыхало. Открылась тяжёлая металлическая дверь, за которой помещался лифт. Приехавшая в лифте старушка позвала:

— Молодой человек. Пожалуйста. Мне одной не спра-

виться. На четырнадцатый и обратно.

Я в нерешительности потоптался.

— Прошу, — сказала она и показала свободное место в лифте.

И как только я зашёл внутрь, старушка тут же нажала на кнопку — дверь с грохотом закрылась.

— Вы наденьте халат, — сказала она, глядя снизу вверх. Узкое, сухое, приятное лицо. Светлые живые глаза быстро окинули меня с ног до головы.

— Сорок восьмой, — прошептала она себе под нос, прошла в дальнюю часть длинного, как вагон, лифта и открыла металлический шкаф. Порылась. Вытащила халат.

— Возьмите. Всё-таки четырнадцатый.

Я одел.

— А что нужно? В чём помощь?

Но в этот момент лифт дёрнулся и остановился. Открылась дверь.

— Идёмте, — сказала старушка и поспешила по коридору.

Я последовал за ней. Пол на этом этаже сливался со стенами, а они так плавно переходили в потолок, что казалось — я внутри какого-то организма. С проходами, коридорами, кабинетами.

Обозвав этаж живым, я стал разглядывать старушку.

Она шла чуть впереди и торопливо переставляла маленькими ножками и так пыхтела, что я не решился сейчас выспрашивать, а выяснить всё потом. На остановке. А то ещё занесёт бабулю на повороте.

Вдруг она остановилась.

— Подождите. Я сейчас, — и скрылась за дверью.

Я потоптался и стал осматриваться в поисках туалета, как кто-то тронул меня за локоть.

— Доктор, — сказал женский голос, — третий кабинет.

— Но я тут, — я показал пальцем на дверь. — Меня...

— Конечно, конечно, — сказала девушка, взялась за локоть покрепче, и я, повинуюсь, пошёл за ней.

Мы свернули за угол и оказались у закрытой двери, на которой красовалась табличка:

ДОНОРСКАЯ ЗОНА.

Девушка достала ключ, открыла дверь, и я увидел ещё один длинный коридор. Мы вошли. Дверь за нами захлопнулась. Щёлкнул замок.

Здесь уже почти все кабинеты были с прозрачными перегородками.

Справа — огромная палата. Я заглянул. Рядами сидели люди с лампочками на голове. Лампочки мигали. У кого голубым, а у кого сиреневым.

Я перевёл взгляд на табличку у двери:

«Сознание. Подготовка под замену. Синхронизация донорских потоков».

— Нам сюда, — сказала девушка и понеслась по коридору

с такой скоростью, что я не успевал заглядывать в кабинеты, а только читал пролетающие мимо таблички.

«Характер. Послойная выемка»

«Память. Секторальный забор»

«Реакции. Извлечение»

«Личность. Демонтаж»

«Очистка под носитель»

Мы свернули. Вдруг кабинет без таблички. Я притормозил. Пусто. Только одинокий стул по центру со сложенной одеждой.

— Туда не надо, — сказала девушка и потащила меня дальше.

Мы опять свернули. Коридор стал уже. Наконец она остановилась, показала на дверь.

— Вам здесь.

— А вы?

— Мне нет, — сказала она и исчезла.

Я протянул руку, дверь тут же открылась и от неожидан-

ности я отпрянул — передо мной стояла старушка из лифта.

— Что же вы, халат взяли и не сдаёте? — обиженно сказала она. — Вещь хоть и казённая, но подьотчётная.

Я стащил с себя халат. Она аккуратно его сложила, прижала к груди и засеменила куда-то по коридору, пока не скрылась за углом.

Размышляя, куда дальше, я почесал затылок, и в этот момент на плечо легла рука. Я резко обернулся.

Элла.

Она смотрела спокойно. Будто ничего не происходило.

— Я же говорила, — тихо сказала она, — вы заблудитесь. Пойдёте. Сергей Валерьянович вас уже ищет.

Я не ответил.

— Это всё этот чай. Любит Сергей Валерьянович такие шутки. Накачает раскачаем и симптомы потом фиксирует. Сам говорит, что составляет таблицу реакций. А я думаю — ему для смеха надо.

— А вам не попадёт за такие откровения? — спросил я.

— Что вы, — сказала Элла. — Нам сюда.

Очень скоро мы оказались возле таблички «с дымком». Все стулья были пустыми, впрочем, как и коридор.

Дверь открылась будто сама. Я вошёл. В кабинете было светло. Даже ярче, чем раньше.

Бандура стоял у стола.

Дама уже поднималась со стула. Мальчик сидел спокойно. Слишком спокойно.

— Вот и наш путешественник, — сказал Бандура, не обращившись. — Нашёл дорогу?

Я ничего не ответил. Он повернулся. Оценил меня взглядом.

— Халат где?

— Забрали, — сказал я.

— Правильно, — кивнул он. — Учёт должен быть.

Я упал в кресло. В голове заиграла давно забытая мелодия. Тело словно стало вытягиваться. Я выставил вперёд руки, растопырил пальцы и там, вдалеке, увидел бушующие волны. И только одинокий парусник пробивался сквозь бурю.

Подошла Элла и поставила на стол маленький поднос. Прямо на парусник.

Раздался страшный хруст. Из восьми человек команды выжить удалось только двоим. Да и те... Куда они без моря.

— Я вам воды принесла и кофе крепкого, — сказала она.

Я опустил руки и сделал несколько глотков. Холодная вода освежила, и я обратил внимание, что Бандура уже закончил заполнять бланк, а дама осторожно взяла мальчика за руку.

— Спасибо, доктор... — начала она.

— До четверга, — перебил Бандура. — Установим выравниватель и обязательно попробуем смесь. Всё.

Он хлопнул в ладоши. Дама кивнула, забрала ребёнка, и они покинули кабинет.

Бандура подошёл ко мне. Сел напротив.

— Ну? — спросил он. — Как тебе наша кухня?

— Многолюдно, — сказал я.

Он усмехнулся.

— Это ты ещё не всё видел.

Взял мою чашку. Покрутил. Посмотрел на остатки чая.

— Ты чаёк-то пил?

— Пил.

— И как?

— Водит, — сказал я.

Он кивнул.

— Должно. Главное — не сопротивляться. Тогда показывает ровно то, что нужно.

Я посмотрел на него.

— Кому?

Он улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

— Нам.

Повисла небольшая пауза.

Вдруг Бандура звонко ударил по подлокотникам обеими руками. Встал и потянулся.

— Пойдём. Прогуляемся. Ты же не просто так пришёл.

Я встал. Он уже был у двери.

— После тебя, — сказал Бандура.

Я вышел.

И только тогда понял — что не уверен, куда именно мы идём.

Глава 10. Похмелье.

— Почему такой звон? Сегодня фестиваль церковных колоколов? — сказал я вслух и крикнул в пустоту:

— Эй там, закройте окна!

Это мне только так показалось, что я крикнул. Ни кричать, ни активно двигаться было невозможно. Сразу шла реакция в голову.

Я вытащил себя из кровати и медленно добрёл до кофеварки.

Включил.

В виске стучало, но хотя бы я не слышал ту забытую мелодию, что преследовала меня вчера. Я не помнил как я вообще очутился дома.

Запиликал будильник.

— Чёртова работа, — сказал я. — Не хочу. Я заболел. Уехал. Умер. Меня нет.

Кофе готов. Глоток — пульсация уходит. Ещё глоток. Глаза теперь открываются почти наполовину.

— Прогресс, — подумал я и отправился в душ.

Спустя два часа я поднимался на грузовом лифте на второй этаж пекарни. Этой лаборатории судеб, как я её однажды назвал.

Лифт дёрнулся. Я потянул за ручку, откинул металлическую сетку и она отворилась со скрипом.

Я вдруг подумал: а как я вообще здесь оказался? Не в пекарне. Во всём этом.

С этого вопроса, наверное, всё и началось.

Часть 2. Старт.

Глава 11. Дядя Ёся.

Никаких, даже очень дальних родственников в Израиле у меня не было. Поэтому сюда я приехал с простым планом: через пару дней выйти на работу, а пока не мешать себе быть туристом. Номер в гостинице оплачен до воскресенья, в кошельке пара тысяч долларов — для начинающего оптимиста достаточно.

Бросив вещи в отеле, я отправился смотреть, куда меня

занесло, а заодно наменять местных денег. И теперь высматривал обменник.

Июльский полдень завладел городом и я выбирал маршрут, стараясь шагать по теневой стороне улиц. Но даже в тени воздух был липкий и горячий. А в голове всё чаще звучал вопрос без ответа — это отпуск или новая жизнь.

На одном из перекрёстков я остановился и увидел то, что искал — над небольшим окошком светилась реклама:

ОБМЕН БЕЗ КОМИССИИ

— Неплохо, — подумал я, протянул в окошко 200 долларов и получил 700 шекелей.

Местные деньги были на кармане. А это значит — самое время попробовать этот Израиль на вкус.

Пока я рассуждал, куда двинуть дальше, из лавки вышел хозяин. Лет 65-ти, ниже среднего роста, сухожилый, фактурный. На узком, затынутом глубокими морщинами, лице — огромный нос, с крупной горбинкой — он был похож скорее на клюв хищной птицы.

Тут мой взгляд зацепился за мужчину средних лет — в дешёвом костюме, с портфелем в руке и лицом человека с

пионерским прошлым. И сам он, и его костюм выглядели так, будто их постирали, высушили, но забыли погладить.

Помятый пересёк улицу и оказался возле обменной лавки. Поздоровался с хозяином.

Я вернулся к мыслям о еде. Но не успел определить правильный вектор движения, как меня вовлекли в разговор.

— Из России? — спросил хозяин.

— Да.

Прятели явно оживились. Им интересно, что там на их бывшей родине происходит. А мне интересно — потому что первый день в новой стране.

Стоим, болтаем.

Узнаю, что фактурного зовут дядя Ёся. Что живёт он тут давно. Так давно, что и не сосчитаешь. Перекинулись парой слов. Когда разговор чуть выдохся, я спросил:

— Как тут с питанием? Куда ходить обедать?

Помятый говорит:

— Я вижу. Ты хороший парень. Не трать деньги — не покупай уличную еду. Готовь дома.

— Никак. Живу в отеле, и из всей кухни у меня — один только чайник.

Он неодобрительно помотал головой:

— Иди... — и вытянул вперёд руку, указав верное направление.

— ...Иди в русский супермаркет. Купи себе пельмени и вари их в чайнике!

Я усмехнулся, поблагодарил за совет, попрощался и отправился на поиски уличной еды.

И вот я вижу ещё один пункт, где принимают валюту на обмен. И курс не 3.5, а 3.66. Считаю в голове.

Упс. Понятно.

Я ещё раз посмотрел на цифры. Представил свои тридцать два шекеля, что быстро нашли нового хозяина. Размашисто махнул и сказал:

— Эх, пойду я в русский супермаркет, да куплю себе пель-

мени и сварю их в чайнике.

Ни за какими пельменями я, конечно же, не пошёл. Не для того адаптация придумана, чтоб по русским супермаркетам шастать. Влиться в среду — вот истинная цель.

Глава 12. Рецепт.

Насладившись местной уличной едой, я решил посвятить остаток дня шопингу.

В магазине примеряю шорты и сомневаюсь.

— Есть на размер больше?

— Больше? Зачем? — удивилась продавец.

— Да. Я, понимаете, на вырост думаю взять.

— Толстеть собрались, значит.

— А что я могу... Опыт имею... Брошу курить — опять разнесёт.

Она взяла паузу и внимательно оглядела меня с головы до ног, будто решая, стоит ли меня вообще увеличивать.

Но за шортами всё-таки пошла.

И вскоре я вертелся у зеркала в большем размере.

— Что думаете? — спросил я.

Она ещё раз внимательно посмотрела на меня.

— Вам надо курить. Но немного. Тогда и не потолстеете.

Я перестал вальсировать и уставился на неё через отражение в зеркале:

— Немного?

— Не надо маньячить. Как некоторые — по пачке. Семь сигарет в день — вполне достаточно.

И ушла помогать другому.

Это что получается — подумал я — курить можно с пользой?

Я ещё потоптался возле зеркала. Потом всё-таки выбрал.

Иду к выходу. И слышу вдогонку:

— И обязательно немного курите!

Блуждая ещё какое-то время по торговому центру я бесцельно заглядывал в витрины и всё больше рассуждал о выданном мне странном местном рецепте. И о прогрессивном сознании людей из другого общества.

Вечерело. Тель-Авив, продуваемый лёгким ветром, делился прохладой и уютom. Шумная улица жила, двигалась, гудела. И мне показалось, что вокруг не курят только дети.

Курили всё что угодно: обычные сигареты, самокрутки с прозрачной бумажкой и даже огромные конусообразные папиросы с острым запахом и густым дымом.

Кто-то вдыхал аромат из цветной пластмассовой коробочки, кто-то курил трубку. Как тот дед, на электро-тележке, что медленно проехал мимо, а за ним тянулся сладкий белый туман.

До дома было недалеко. Я шёл по бульвару, где ночной сумрак разгоняли жёлтые фонари. Приметив пустую скамейку, сел. В руке появилась пачка сигарет. Пересчитал.

— Семь сигарет вполне достаточно, — сказал я и чиркнул зажигалкой.

Глава 13. Шаббат по-Тель-Авивски.

Открыв утром глаза, я увидел чистое голубое небо. То, чего мне так не хватало в моём вечно сопливом городе. Я с удовольствием потянулся и спросил:

— Ну что? Какое у нас сегодня блюдо дня?

— Шаббат по-Тель-Авивски, — ответил голос.

Я встал. Зашёл в уборную. Сказал:

— Что ж, посмотрим, что за шаббат такой. Беру. Попробую в дороге, — и захлопнул за собой дверцу душевой.

Слышал я про эту местную особенность — ничего не работает, транспорт не ходит, все отдыхают. И происходит это по субботам. Надо всё проверить самому. Пойду на пляж.

Телефон оставлю дома.

А что — я взрослый мальчик. В Тель-Авиве я уже второй день — так что дорогу туда-сюда-обратно осилю.

Сознание — мой навигатор.

Дошёл до моря без приключений. Длинная прибрежная полоса. Отели первой линии. Кафе. Людей — как в метро в час пик.

Вода тёплая. В месте, где глубина не очень большая — если встать, то коснёшься ногами дна, — натянут канат. Я прилепился к нему, лёг на спину и хохотал каждый раз, когда самая большая волна накатывала и поднимала меня высоко наверх. Накупавшись, — вылез из воды и решил, что на сегодня достаточно.

— Ну что, пора домой отправляться. Полчаса — и я на месте, — сказал я.

— Не так просто, чувак. Слишком ты расслабился, — ответил фатум.

— Не смейся мои тапочки. Не впервой. Я по карте посмотрел — мне перпендикулярно линии моря и потом чуть правее взять... и я вернулся.

— Ну-ну, правее. Вспомнишь ты ещё эти твои тапочки.

Я уверенно шагал по кривым улочкам Тель-Авива, залипал на всё вокруг и думал — ничего они себе жить придума-

ли. А потом улица как-то незаметно свернула не туда. Потом ещё раз и через десять минут я уже не понимал, где нахожусь.

Я остановился и стал крутить головой.

— Куда теперь?.. Направо?.. Или налево?..

— А ты спроси у тапочек, — подсказал голос.

— Щас выберемся, — уже не так уверенно ответил я.

Вот если бы увидеть какой знакомый ориентир...

Время — час дня. Солнце жжёт сверху. Тень в такой ситуации — роскошь. И тень стоит на месте, а мне нужно двигаться и искать выход. Но чем дальше я шёл, тем больше казалось, что я удаляюсь от правильного направления.

— Да куда же мне? В какую, сука, сторону!

Два часа уже брожу. Мстительный тапок натёр палец. Жарко. Очень жарко. Зачем так жарко?

И как понять, где я?!

Спросить не у кого — людей на улице нет. Транспорт не ходит. Ничего не работает.

Раздались звуки мечети.

Я остановился. Сознание — выводи меня отсюда.

Обессиленный, я упал на скамейку в тени какого-то дерева. Сознание проснулось и робко подсказывало, что я окончательно заблудился.

— Отпустите меня домой. Пожалуйста, — взмолился я.

— Ладно, на сегодня хватит. Вот тебе идея — надо выйти обратно к морю — там сориентируешься.

— А в какой стороне море?

— Ха-ха, не смехи свои тапочки такими вопросами. Ты же взрослый мальчик. Полагайся на чуйку.

И чуйка не подвела.

Передо мной блестело вечернее море.

Я вернулся. Правда, в другое место. Но теперь я пойду вдоль берега и обязательно окажусь там, откуда начал свой неудавшийся поход. И тогда попробую снова.

Пять часов спустя я всё-таки добрался домой.

Холодный душ вернул меня к жизни. Я бросил мокрое полотенце на кровать, щёлкнул пальцами и сказал:

— Счёт, пожалуйста.

— Вам понравился наш шаббат по-Тель-Авивски?

— Незабываемые ощущения. Благодарю.

— Заходите к нам ещё. Мы открыты по субботам.

Глава 14. Новая реальность.

Беспечные дни туриста закончились. Наступило время становиться беженцем.

Накануне я связался с фирмой, что обещала устроить на работу, и утром воскресенья за мной заехал водитель. Я попрощался с небольшими, но уютными апартаментами в Тель-Авиве и прыгнул в машину.

Водитель, в квартиры селитель, зарплат платитель и на работу устроитель — Аркадий, наперебой рассказывал о плю-

сах, потряхивая вытянутым, как дыня, лицом:

— Часы — дают. Работа — не на улице. Булочки ешь — сколько влезет. И главное — любой справится. Ты что-то руками в России делал?

— Ну... клининг умею, окна мыть профессионально могу.

— Отлично. Тогда тебе подойдёт, — сказал он, свернул и припарковался.

Вывеска гласила, что магазин Братья Пекари основали глубоко в прошлом веке. Мы прошли внутрь.

— Подожди здесь, — сказал устроитель.

Сам подошёл к какому-то господину. Господин взглянул на него, и тот торопливо замахал мне рукой.

И тут я раздвоился. Первый пошёл на зов. А я стоял и наблюдал.

Это была уже не моя игра.

Когда Первый оказался рядом — торговец предъявил товар лицом.

— Дон Боссиньё, посмотрите, какой экземпляр. Уверен — он вас не разочарует.

Дон посмотрел с недовольством. Высокий, подтянутый, он нависал над торговцем, который, казалось, стал ещё меньше.

— Аркальдио, я же ещё в прошлый раз тебя предупредил. Ты что мне опять привёз? Тебе тут мусорная яма?

Аркальдио округлил глаза. Кучеряшки на голове мелко затряслись.

— Дон Боссиньё, — затараторил он, приставив руки к груди. — Не смотрите на хилый внешний вид. Довольно шустрый в мататэ. Я пробил его — сгодится.

— Как те двое? — спросил дон. — Ты знаешь, что мне пришлось отдать их палестинцам?

Аркальдио аж запрыгал на месте.

— Что вы, что вы. Совсем другой случай. Это точно — с гарантией. Да вы посмотрите на него: стоит, хоть бы слово понял, о чём мы здесь говорим. Берите — не сомневайтесь.

Дон нахмурился. Ещё раз внимательно осмотрел товар. Сверху вниз.

Взглянул на торговца. Прямо в глаза. И сказал, немного смягчившись:

— Ну смотри, Аркальдио. В последний раз. Ты меня знаешь. Этому скажи — пусть завтра приходит. Всё.

Дон на мгновение потерял интерес, начал смотреть мимо и уже собирался уходить, но вдруг его лицо озарила широкая улыбка.

— Мигелито, мой мальчик. Как я рад... — Боссиньё расправил руки и неторопливо зашагал прочь.

Устроитель повернулся ко мне.

— Завтра к нулям приходи — в ночь пойдёшь.

Когда Аркадий отвёз меня в новое жильё, я первым делом осмотрелся. Квартира была рассчитана на восемь человек. Четыре комнаты, по две кровати в каждой. В моей — одна пока пустая.

Я закрыл за собой дверь. Постоял. Было тихо. Как будто ничего и не произошло. Подошёл к окну, посмотрел на Израиль и сказал:

— Прошли дни туриста. Начинается Костя-мататэ.

Сел на кровать. Провёл ладонью по лицу. Странно. Всё вроде сходится: работа есть, жильё есть.

Я лёг и уставился в потолок. Вспомнил, как они говорили, смотрели, решали.

Без меня.

— Может, так и надо, — сказал я. — Может, я просто не понимаю, как здесь всё устроено.

Я закрыл глаза и услышал:

— Посмотрим.

Глава 15. Френдли.

Перед своей первой ночной сменой я стоял у шахты лифта. Наверху с шумом распахнулась дверь, и в проёме показалась коренастая фигура.

В руке — огромный поварской нож.

Он присел, наклонился вперёд, чуть не вывалившись, и недовольно что-то сказал на иврите. Снизу ответили резко. Коренастый налился кровью и заорал.

Я подумал:

— Ну всё. Сейчас спустится и будет из собеседника рехат-лукум делать.

Это был Мухи.

Мухи любит поорать — работа у него тяжёлая. Когда давление зашкаливает — кран срывает, и усталость выходит из него со свистом. Если бы я тогда знал, что теперь мне придётся делить с ним рабочий стол.

Через пару часов моей первой смены Мухи психанул и что-то высказал. Не высказал — прокричал. И в сердцах громко хлопнул пачкой алюминиевых магашей об стол. Раздался звон.

Но он не с тем связался — я такого не спускаю. Пусть купит себе ослика и на него кричит.

— Айм нот ступид. Донт... Гэв-Гэв-Гэв!

Я трижды гортанно пролаял, не зная, как по-английски — кричать. Мухи мгновенно осёкся и замахал руками, пытаюсь жестами показать, что не понимает.

Но, думаю, он понял, потому что сменил тактику и включил терпение. Когда я в очередной раз ошибся, он спокойно меня поправил:

— Май френд. Лук, — и показал, как надо.

Чтобы я не заблуждался, куда в этот раз везти продукцию, он крупно маркером нарисовал цифры на дверях холодильных камер.

— Холодилник намбр ван, — сказал он и выставил вперёд короткий указательный палец.

Так незаметно наступило утро. Рассвело. Что-то я сегодня заебался.

— Заебался — фак ту мач, — перевёл я.

— Заебалса, заебалса, — повторил Мухи, пополняя свой

словарный запас русских слов.

Иногда мне казалось — Мухи с планеты Агала-12. Системы Штайн.

Он часто говорил:

— Штайн... Агала двенадцать...

Будто скучает по дому. Я прикатывал две агалы на двенадцать листов каждая, но, думаю — это прикрытие.

Когда смена подошла к концу, я сел на улице, под навесом, закрывающим меня от утреннего израильского солнца, и закурил. Подошёл мини-босс.

— Манишма? — спросил он и заулыбался так быстро, будто лицо у него просто не умело надолго оставаться серьёзным.

Я посмотрел на него снизу вверх.

— Бэсэдэр.

— Мухи крейзи.

Мини-босс сказал это таким тоном, словно ждал от меня поддержки. И я вспомнил, как сегодня под утро, когда он заявился на работу, его выловил Мухи и отчитал, как мальчишку.

Я затаился, выпустил клуб дыма и сказал:

— Ноу. Бат хи лавс хиз джоб.

Мини-босс прищурился так сильно, что глаза стали совсем крохотными и стал показывать пантомиму.

Сперва потёр указательные пальцы друг об друга. Потом из ладони левой руки соорудил кольцо и с энтузиазмом стал тыкать внутрь.

И уставился на меня, глупо улыбаясь.

Я потёр указательные пальцы и сказал:

— Френдли.

Глава 16. Вы любите летать?

Волна воспоминаний, накрывшая внезапно, так же внезапно отхлынула. Я толкнул металлическую сетку. Она с грохотом захлопнулась, и я сильно пожалел, потому что в голо-

ве сразу раздалось:

Бам-м-м...

— Чёртов раскачай, — подумал я. Так и без головы можно остаться.

В цеху было как обычно — шумно, в воздухе висели ма-люсенькие кусочки муки, заполняя помещение белым туманом.

Я прошёл вглубь. Мухи стоял у стола и катал шарики из теста.

— Шалом, май френд, — хрипло сказал я.

— Привет, — сказал он, не поднимая головы. — Погулял?

Я покашлял.

— А что, заметно?

Он повернулся, посмотрел внимательно и спросил:

— Раскачай?

— Было. Есть антиоксидант?

— Какой ещё антиоксидант?

— Ну я не знаю, как он называется. Брякнул, что в голову пришло. Ну противоядие. А то эта забытая мелодия...

Ту-ту-ру-ту... — с болью напел я.

— Что? До сих пор играет?

— Уже нет. Но состояние такое, будто через мясорубку пропустили.

Я упал на пластиковый ящик. Вытащил сигарету. Закурил. Погладил висок и пожаловался:

— А в голове так: Бам-м-м... Бам-м-м...

Он достал из кармана Семицветик.

— Нет, нет, — сказал я. — Меня реальность шатает, а ты мне — путешествие. И вообще — они не вредные?

Он удивился, скривил рот и убрал сигаретку.

— А не надо маньячить, как некоторые, — сказал он. —
одной в день вполне достаточно.

Я молчал. В висок опять толкнуло:

Бам-м-м...

Я выругался.

Ночь прошла в тишине. Во всяком случае, Мухи был сегодня молчалив, что меня вполне устраивало. К утру забытая мелодия перестала звучать совсем. Бам-м-мы тоже покинули мою голову и отправились путешествовать в мир звуков.

Придя утром с работы, я открыл дверь комнаты и обнаружил соседа, что лежал на койке и залипал в телефон. Я познакомился и пошёл в душ. Вернувшись, спросил:

— Печенье будешь? Вкусное, угощайся.

— Нет, я поел уже.

— Сигарету?

— Нет, спасибо.

— А чем расслабляешься? Водку пьёшь, наверное?

— Нет.

— Тогда спортсмен — бегаешь, футбол, теннис?

— Нет.

— Ну про женщин я спрашивать уже не буду.

Я лёг на кровать, растянулся. Подушка мягко обняла мою уставшую шею.

— Знаешь, — сказал я. — Ты как бывший советский министр иностранных дел Громыко — Мистер Нет. Что ни спросишь — у тебя всё нет да нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.